

18+

НАТАЛЬЯ ДОЛБЕНКО
ГАЛИНА ДОЛБЕНКО
АЛЕКСАНДР ДОЛБЕНКО

РЕПОРТАЖ ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ

**Александр Долбенко
Галина Долбенко
Наталья Долбенко**

Репортаж из преисподней

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48711165
ISBN 9785005081780*

Аннотация

Полуприятно осознавать, находясь наполовину тут, а наполовину там, во сне, что ты справился. Ты убежал. И что ты жив. И плевать, что какой-то темный дух стоял в окне и щекотал тебе нервы, пока ты спал.

Содержание

Репортаж из Преисподней	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Репортаж из преисподней

Наталья Долбенко
Александр Долбенко
Галина Долбенко

Иллюстратор Галина Долбенко

© Наталья Долбенко, 2024

© Александр Долбенко, 2024

© Галина Долбенко, 2024

© Галина Долбенко, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-0050-8178-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Репортаж из Преисподней

Фантастическая повесть.

– Ой! Ловись рыбка большая и маленькая, – шутил в одиночестве Харон, полоща свои худенькие волосатые ножки в мутной воде Стикса. Туда же он и поплевывал. – Эх, какие раньше времена были, какая тут амеба водилась, инфузории разные... туфельки, башмачки. А сейчас даже ни одного голована. Эх, засорили нашу реку-матушку своим производством!

Харон задумчиво почесал левый рог, его передернуло, уныло оглянулся на причал ожидания грешников – там их опять! собралось немерено. И, сморщившись, с тоской

посмотрел на алеющий вечно вдалеке горизонт. И когда люди научатся попадать исключительно в рай? Тогда и ему никаких забот не будет.

Фиолетовое небо покрывалось болотного цвета тучами. И тоска все больше и больше наполняла грудь старого седого беса. Он провел лапой по своей заросшей роже:

– Побриться, что ли? Да зачем мне? – махнул мускулистой в венах рукой. – Жена все равно любить будет и так. Не изменит же... Хотя повадился все в гости Дракула ходить. Не приударяет ли он за ней? Надо, на всякий случай, повод придумать ему клык выбить. Измена, ну да, Харон, станет она якшаться с этим полувымрком? Любит она тебя. Сколько,

интересно, сейчас времен? Когда же конец рабочего дня? Нет, я заручился не смотреть на часы, а то минуты превращаются в часы. Ох уж мне этот график. Каждый божий день с девяти до восьми! И только один выходной. А отпуска и подавно не дождешься. Сколько раз заявление подавал: то очередь не подошла (она когда-нибудь подойдет?), то традиции не позволяют. Видал я в своей лодке такие традиции! Даже зарплаты не прибавят! И ту-то не вовремя платят. Ох, скорей бы уж на пенсию. А они все: «Годы не подошли, кто, кроме тебя справиться? Опыт у тебя большой. Вот сможешь наследника посадить, да еще с квалификацией, генетическим опытом работы не менее трех тысяч лет,

да со сдешней пропиской, тогда и отдыхай». Зачем я, дурак, трудовой договор подписал? Не расторгнешь, сволочи! Одних дырок понаставили. Подводные, блин, камни. Лучше-

го адвоката нанимал, Цицерона, и то не получилось. Надое-
ло. Ай! – попытался присесть старожила, – Опять геморрой!
И руки болят. Больничный не дают, говорят: «Чего, от служ-
бы откосить хочешь? После работы лечись, пусть жена поле-
чит!» Эх, бедный я, несчастный, поговорить-то не с кем да-
же. Ребеночка бы! Плохо без наследника. Я бы с ним на чем-
пионат ходил по выходным. Да-а! – вздохнул бес и скупая
слеза скатилась по его иссохшемуся лицу.

огоньком сплетника.

– Эй, перевозчик! Греби сюда! – окликнул достаточно бодрый и наглый голос.

Старик обернулся. Кудрявый парень в длинном голубом плаще стоял на берегу и махал ему рукой.

– Что за черт такой выпендривается?

По повадкам вижу, что не грешник, – подплыл к пристани: – Не, вижу не черт... Справка о смерти есть, заверенная? – махнул нзнакомцу рукой Харон. – Грудь открой: печать покажи о распределении, а то ходите потом не там, выклянчиваете пропуск, а мне потом выговор, а его, этого бедолагу, тем временем пожгли уж изрядно, по чем зря.

– Нет, я не черт, но и не грешник умерший. По крайней мере не грешник.

Харон потянул воздух: «Ангел что ли? Не может быть: чего ему тут делать? Последнего я тут пять тысяч лет назад видел. И тот еле ноги унес обратно. Уж и не припомню зачем приходил, но черти еще долго в него грязью кидались. Эх, не любит наш брат...»

– Ангел, ангел, угадал, – похихикал парень и ради хохмы расправил перышки из-под плащика.

– Вона?! Что пришел? Колись давай,

– и глаза старого беса зажглись

– Да парламентар я, – небрежно с гордостью протер ногти о грудь, которая невзначай увесилась орденами и медалями.

– Ну-ну, заливаешь! А должность какая у тебя?

– Ну-у... из начальствующих, – отвернулся ангел, опуская глаза.

– Секретный, что ли? Или приближенный Того? Шпиён никак? – толкнул его соучастливо в бок локтем.

Харон уже подплыл к берегу в огромном гробу-паруснике с прогнившими и изъеденными червями бортами. Такова была его ладья смерти.

– Ну некую власть имеем, господин Харон.

– А зовут тебя-то как?

– Ну Гонг, Джейнс Гонг, лицензированный.

– А я уж подумал Кинг конг, -и бес залился хриплым смехом. – Смотрели мы тут киношку одну недавно. Режиссер тамошний с собой в гроб пленку унес. Мы его тут и разрековизировали. Так ты на Кинг Конга похож, хе-хе.

посыпанными пеплом локонами.

– Я что, так на гориллу смахиваю? – обиделся парень.

– Да нет, успокойся, на беса, – и старик ткнул себя пальцем, продолжая ухахотываться.

Ангел посмотрел на свои выбившиеся и машущие на ветру крылья и тоже почему-то стал смеяться, держась за плечо перевозчика, чтоб не показаться тупым и непонятливым. Да притом ангелы ведь весьма позитивный народ. Охочи посмеяться и обижаться не умеют.

Ангел Гонг, утерев выступившие слезы, протянул направление на аудиенцию:

– Отчаливай что ли.

– Не могу пока. Эти вон прощения ждут, сорок дней. Если не получают, я их куда следует отправлю, – указал на фанатеющих хиппи с

– Может фиг с ними, а? – хитро заулыбался Гонг, – давай сейчас без них вдвоем отплывем. Если хочешь, я поручу: всегда мечтал капитаном стать. А ты лежи пока, поболтаем.

Бес задумчиво скривился: никогда такого не было раньше, а тут только помечтал об отпуске и вдруг сразу: вот оно исполнение желаний! Что значит позитивное мышление!

– А-а! – махнул он, – по рукам!

Ангел вскочил в ладью, по-боксерски поводил плечами, показывая, что не зря два года в качалку летал. Старик бла-

женно развалился на тюках и вздохнул мечтательно: может и другая мечта сбудется.

Гонг оттолкнулся веслом от пристани и они тихонько поплыли. В воздухе залетали и загоготали как чайки какие-то странные птицы.

– Что-то сегодня гарпии залетали, – удивился Харон: – к дождю что ли?

Всю дорогу они болтали по душам и нашли много общего. Смеялись, обсуждали последние сплетни, новости из потусторонних газет. Наконец причалили. Харон загрустил: почти друга нашел и пора прощаться:

– Ну ты это, потом не пропадай. На обратном пути заходи ко мне пирожков поедим, поболтаем еще.

– А пирожки-то с чем? Я вообще люблю пирожки.

– С яблочками молодильными, – усмехнулся дед, подмигивая: – у меня с них такой торчок потом всю неделю! Плавки не налезают!

– Ну мне вроде не положено, – засмутился парень, отворачиваясь: – А что, и впрямь неделя? – шепнул ему на ухо: – а как насчет двух?

– Ты молодой, у тебя, может, и три будет, – соучастники загоготали. – А есть еще и блинчики поминальные, с медком амброзийным.

– А где вы его здесь берете? Это ж вам не положено?

– Ну у нас свои связи, трафик налажен четко. У нас свои на таможне сидят: все всё знают, но всех всё устраивает, – и он хитро подмигнул.

– Ну, я смотрю, вы тут неплохо устроились, господин Харон. Я теперь обязательно к вам заскочу чайку попить.

– А может что и погорячее. Да ты уж меня зови просто на ты, Харя.

– Ну а ты меня, Харя, тогда Дженьком называй.

– Ну все, по рукам. Вот и договорились, – и они ударили

по рукам на прощанье.

Старик взмахнул веслами и ладья быстро помчалась снова к тому берегу с фанатеющими покойниками-хиппи, попыхвающими папироски с гашишем.

Перед Гонгом открылась перспектива древневосточных построений с высокими башнями, неприступными стенами.

– Ну как у шумеров, блин, – он только что прочел занятную книгу про архитектуру древнего Вавилона.

На подступе к главным воротам вела серпантинная дорога, выложенная берцовыми костями. Вдоль нее по обеим сторонам были выложены из черепов клумбы с садовой коноплей. Кое-где улыбчиво розовели маки – мило, душа радуется.

Ангел легкой походкой, вдыхая пьянящий аромат, победил к местному КПП. Навстречу выскочил мордоворот:

– К кому?

– К начальнику контрольно-пропускного пункта.

– Цербер занят.

– Я парламентар. Это срочно. Скажи, что с меня станется.

Мордоворот, также рывкнув, помчался докладывать. Через минуту пришельца попросили пройти. В главной будке за бюро сидел тучный многоголовый пес, каждая голова которого была одета в толстый с шипами из брилликов ошейник. Так же каждая голова занималась своим важным делом: кушала, смотрела телевизор, болтала по мобильному.

– Чего тебе? – рывкнули головы, даже н отрываясь от сво-

их дел. – У нас только партиями пропускают, путевочники
одиночки на отработку в Чистилище идут.

– Да я на переговоры. К самому Главному.

– Молодой человек, сказано не положено. Вон инструкции висят. К нему просто так не пройдешь...

– А у меня для вас есть ваши любимые, – Гонг осмотрительно огляделся, лукаво сощурившись. Все головы разом повернулись в его сторону: – «Кампомос-с»! Сарделечки, сосисочки, сервеладец сырокопчененький, паштеттики извольте, бекончик свиной.

При этих словах ангел открыл плащик и из внутреннего кармана доставал перечисленное, словно разгружал фуру. Цербер проглотил слюну, изменился в мордах.

– Ну так бы сразу и сказали, с этого и надо начинать.

Пес позвонил в дежурку и указал выписать пропуск.

– Заходите еще, милостивый

Джейнс. Можно без стука.

Ангел, кланяясь, вышел вон, довольный проделанной работой. Мордоворот почти ласково проводил его до самых дверей с надписью «Добро пожаловать в Ад. Жаркий

сезон вам обеспечен круглогодично. Только у нас 25% скидка на абонент. Горячие источники, сауна, парилка, массаж с азиатскими фуриями, увеличение роста, раздвоение личности и прочие услуги. По вопросам приобретения билетов и размещения рекламы обращаться по тел 666—000 (многоканальный)».

Гонг усмехнулся:

– Прогресс! А говорили провинция, лимита.

И он вступил по скользкому пути, по тернистым дорожкам с указателями, афишами и плакатами. Была даже надпись углем: «Здесь был Вася Пупкин. Россия впереди всех! Спартак чемпион!»

Как увидел Гонг, Ад – вполне цивилизованный мегаполис. Вернее, огромный индустриальный комплекс с жилыми многоэтажками для чертей, демонов, прочих темных личностей. Грешники жили в менее привилегированном районе – в общежитиях наподобие казарм. Стоит отметить, что пока стиль архитектуры походил, как и отмечалось выше, на стиль

какой-нибудь Бухары, древнего Багдада. Что было дальше – неизвестно, может быть Князь решил поместить у себя стили всех эпох и направлений, он же следит за модой. Не удивительно встретить и квартал, похожий даже на ньюйоркский Манхэттен.

Гонг шел и любовался. Здесь он впервые. Раньше он лишь читал в учебниках и гайдбуках про Преисподнюю, а теперь вот сбылась мечта – он за границей! Ему вдруг стало удивительно жутко от мысли, что ему круто подфартило и он ангел, а не грешник или даже нечистый. Все-таки Ад. Вдруг здесь так же напряженно все, как в человеческих тюрьмах или колониях, откуда ему часто приходилось утаскивать души для распределитовки.

На здешних улицах сновали рогатые, многоголовые. Все странно на него пялились, как на Востоке на европейца. Гоняли кнутиком окованных грешников – ну прямо как рабов в Древнем Риме. И здесь тоже вывески указывали на близлежащий Колизей. Пару раз проходил мимо великий Леонардо под ручку с Джокондой и кивал ангелу. И каждый раз как будто не узнавал. Гонг подивился открытию: великие личности и в аду чувствуют себя как дома.

Ангела постоянно так и подмывало спросить у кого-нибудь дорогу к главному. Но почему-то казалось, что это глупо и неучтиво.

фокус показать.

– Да, ну и шум здесь, – заключил Гонг: – Словно в цеху. Да и жарко, несравненно жарче, чем у нас. Тропики и есть. Только бананы не растут. Любезный!

– вдруг решил он окликнуть некоего не совсем уж свирепого на вид: – Можно отнять у вас минуточку?

Тот рассмеялся:

– Ну попробуй, отними.

– Я... это. Мне надо бы к...

– В контору?

– Да, наверное.

– Генеральный сейчас... А у вас что к нему?

– А вы что у него секретарша?

– Нехрена тогда вообще спрашивать, – зарычал недовольный прохожий, показывая язык, который раздвоился и из него вылезла такая же голова, рычащая, у которой изо рта вылезла тоже малюсенькая головка, рычащая на всематы мира.

– Ну хватит, я тоже могу

Гонг сначала тряхнул курчавой головкой, дабы сбросить гипнотическое одурение. Затем встряхнул крылья за спиной, за ними следом встряхнулись еще крылья, за ними еще, еще... Оба оказались словно в пуховом шатре.

– Ну хорош! – сдался языкастый. – Дышать нечем. Пчхи, пчхи! У меня аллергия на пух.

Убери, будь сволочью!

– Чего ради?

– Дорогу покажу, так и быть, – низкорослый, слегка горбатый Языканин, махнул рукой, чтобы ангел следовал за ним.

Гонг крутой походкой направился следом, щегольски сверкая загнутыми штиблетами (чего-то ему вдруг захотелось их выказать?), высовывающимися из под уже фиолетового плаща под цвет местного неба, чтобы особо не выделяться.

– Это, друг, – тронул ангел своего проводника, – чего идти молча-то, может поболтаем?

– Я тебе чего, бесплатное приложение к твоей долбаной путевке?

– С чего ты взял, что я турист?

– Мне вообще фиолетово, я ни с чего ничего не взял, понял?

– Для начала скажешь как тебя зовут?

– Я не жду приглашения, сам прихожу.

– Смотрю, у тебя язык без костей.

– Зато с головой.

Гонг от сердца рассмеялся такой шутке.

– Ладно, я Гонг, Джейнс Гонг. А ты?

– Я – Гос Дума.

– Дума – это имя, да? Гос – фамилия?

Языканин обернулся с некоторым теплом в улыбке:

– Соображаешь. Люблю, когда правильно мое имя гово-

рят, и сразу. Го-онг, – последнее слово он произнес с особым акцентом.

– Ты вроде, пернатый, прикольный, нравишься ты мне. Ты спешишь или чуток показать местность, провести экскурсию? Вроде ты не местный?

– Да, я тут впервые и с удовольствием посмотрел бы, да только спешу. В принципе, я на работе, мне командировочных не платят. Так что кажи по пути и ладно. Только путь поинтересней выбери.

– Ну тогда пачапали.

И Язык Дума Гос повел посетителя, показывая направо и налево шедевры архетиктуры.

– Это вот цех по изготовлению крекеров. Вообще, знаешь, это все грешники ляпают.

Иногда генеральный заказывает – типа ностальгия, если по древней, иногда хочет идти в ногу со временем. Как вон те два многоскреба, на западе. Иногда грешник чего сам отчудит. Попадают, ведь не только злодеи, но и гении. Предложение вносит, смету составляет, план. Мы тут бездарно не распределяем, тестируем, кто что умеет, не то, что у вас в раю. Нахряпаются гашиша и бродят стадом в эйфории. Восхваляют вашего. И ни

хрена никто ничего не делает. Дармоеды. У нас же демократия. Каждому по заслугам. Каждый при деле.

– А если они только руководить умеют, грешники-то?

– Мы им помогаем найти свои таланты. У нас хватает руководителей. Если нет талантов – идут в бригадиры.

– А кто ж тогда чернорабочий?

– Да это... ну те, у которых таланты пока не найдены. Новички всякие.

Дума подвел попутчика к лотку с печеньем. Здешний продавец – это большой пупырчатый, шарообразный организм, со множеством глаз, щупальцев и большим губастым ртом.

– Не думай тырить, не такой уж он и мягкотелый! – шепнул Дума, ибо у Джейнса забежали глаза при виде этого

изобилия. Ангел осекся.

– Хочешь попробовать? От человеческого производства не отличишь. Мы их через колдунов прямыми поставками наверх.

– А колдуны у вас, значит, менеджеры по продажам?

– Да. С солидным опытом после жизни они у нас в почете. Любезный, отвесь нам кило!

Сколько стоит?

– Два пинка грешнику, – булькнул продавец.

– Дешево, – обрадовался Дума и вынул из кошелька блокнот с талончиками. Оторвал два мелких и обменял их на пакетик с печеньем. Они пошли дальше и Языканы с удовольствием посмеивался, наблюдая как небожитель уминает безбрежности мучные фигурки.

– А ты нами не гребуешь, – заметил бес с признательностью.

– А у меня вакцина против вас, даже пищевого отравления не бывает. Поэтому жрать могу, что хочу.

– Ну тогда пойдем, одним деликатесом угощу, – предложил бес и вывел ангела на торговые ряды.

Тут было все: человеческие органы для трансплантации, наркота всех сортов, коллекционное оружие: огнестрельное, бактериологическое для интеллектуалов, лазеры; шмотки из кожи для садистов и байкеров, подслушивающие и подглядывающие устройства.

Дума хихикнул:

– Есть у меня жучки с камерой. За соседкой подглядывал, как она в унитазе мылась.

Хочешь такой, Джейнс?

– Нет, спасибо, Дума. У нас это запрещено, без дела валяться будет. Тем более я в мужском общежитии живу. Девки отдельно.

– Ну и зануды вы, – заключил с улыбкой бес. – А я бы на твоём месте за мужиками подглядывал.

– Да ты что? У меня все нормально с ориентацией.

– Ну и скучные вы. Фу на вас. А вот и угощение.

Они остановились перед лавкой с мясными изделиями.

У продавца текла изо рта кровь.

– Чего это с ним? – Джейнс толкнул Думу локтем.

– Собственный бизнес, чего ты хочешь. Сам разгрызает, сам солит, коптит, сам торгует. Почему

«Вертеповская»?

– Какого сорта? – брызгая кровавой слюной, прорычал мясник.

– Для дорогого гостя только самую дорогую. Ты, надеюсь, не вегетарианец?

– Нет.

– Тогда отведаешь мою любимую.

– Сколько? – продавец нетерпеливо буркнул.

– Палку.

Тот отвесил и кинул колбасу в лицо Думе.

– С вас право пять раз выщипать у грешника волосы с паха, вырвать три ногтя и потушить об него сигару.

– А чего это у тебя сегодня так подорожало?

– Инфляция. Муки обесцениваются. Курс страданий падает.

– А я в новостях не слышал.

– Это только утром на радио 66,6 фм передавали. На земле прощать чаще стали, а мы тут страдай.

Бес задумался, потрянул головой. А он как раз несколько акций закупил, в ПИФы вложил.

Не вовремя. Но, взглянув на колбасу, повеселел:

– Рано отчаиваться, – тут же он нарезал когтем кружочков. – На, хавай, святоша!

– Пахнет странно, – вдохнул ангел.

– Специи из Индии и Персии.

Джейнс осторожно взял кружочек в рот, пожевал: «Странная, привкус особый.» Но не мог не отметить, что колбаса обалденная. Прямо-таки неземной вкус.

– Еще? – посмеялся бес.

Джейнс кивнул. Бес целиком постругал мясную палку.

– Это тебе, остальное мне – надо каждую голову накоормить. Пока языком ощущение не получу, не наемся.

Проглотив один кусочек, вылезала очередная голова, требуя своей доли, и так до тех пор, пока колбаса не исчезла.

– Я так и не понял, из чего она? – недоумевал Гонг. – Тут у вас вроде свиной не водится

и...

Язык заржал, хватаясь за круглый живот:

– Ну ты и чудной! Ливерку не распознал!

Ангел в ужасе отпрянул:

– Из чего ливерка?

– Копченые гениталии, чего непонятного?!

Ангела вырвало. Он корчился и плевался.

– Чего ты наделал? Она же такая дорогая! Я тебе как человеку, а ты? Неблагодарный!

– Говорить надо!

Предупреждать! – сплевывался, выпучив глаза, небожитель.

– Ну и что, что пиписки, не грязные же! Санэпидемстанция все проверила и одобрила.

– Как я теперь перед Боссом покажусь? – стонал небожитель,

– Я же осквернился! Я теперь людоед?! Господи, прости! – закричал он как безумный.

Бес затрясся:

– Замолчи! Немедленно!

Здесь нельзя такое говорить. Не упоминай ЕГО, уважай чужие

правила – не в своем монастыре! Ты знал, куда шел!

– Да я тебя ща своими руками! – бросился душить бесчисленные головы.

– Эй, на помощь, – шипел бес, когда ангел уже подмял

его под себя и оставались лишь считанные секунды, и бесу пришел бы конец.

Он с трудом просвистел:

– Она-а не... из че-лове... чины-ы...

Джейнс вздрогнул и расцепил руки, побелевшие от напряжения. Дума вылез из-под его могучих крыл и с трудом откашливался:

– Идиот, шуток не понимает... кхе-кхе...

– Из чего колбаса? – все еще содрогаясь от ужаса, шипел парламентар.

– Гиен кастрировали.

Гонг с отвращением представил этих падальщиков, поедających гниющие трупы, но вздохнул с облегчением, что не стал по своей жадности каннибалом.

– Сорри, – промямлил он, протянув руку.

– Ладно, забыли, – буркнул бес, но лапу не подал. – Сам виноват, забыл, что с ангелами нельзя шутить.

Пошли дальше, решив в другой раз быть взаимно осмотрительнее. Холодок пробежал между ними. Разговор не клеился.

– Все, пришли, дальше не пойду, – рывкнул Дума, встав столбом на углу улицы.

– Бросаешь? На полпути? – упрекнул его путник.

– А ты не упрекай! Не поносил еще моих копыт! Сначала душит, а потом... я что, обязался?

– Да ты и впрямь обиделся? Все еще дуешься? Ну прости мя, грешнаго. Бес попутал, – и тут же осекся.

– Просто обидно, когда получаешь от того, от кого не ждешь, у кого натура не позволяет!

Даже не в праве позволять.

– Да ты меня сам вывел! Спровоцировал!

– Я же еще и виноват? Чего ты себя оправдываешь? Не можешь свои эмоции контролировать – вообще сюда не суйся! Ты на шутки неадекватно реагируешь! По статье тянешь.

– Ты меня не учи и нефига мне угрожать – у меня мандат.

Бес ничего не ответил, повернулся и ушел. У Гонга на ду-

ше стало скверно. Но он взял себя в руки.

– Ну и катись, нечисть поганая! – сплюнул и показал ему вслед непристойное движение рукой. – И один доберусь. Эй, уважаемый, можно вас на минутку?

Существо, которое он окликнул, слизью сползло со стены и подползло к нему, выпучив единственный заплывший глаз:

– Чего тебе? – загнусявило оно.

«Фу, сопли!» – поморщился ангел и прикрылся платочком, чтобы не подцепить простуду:

– Подскажите, как мне пройти до резиденции вашего босса? Это еще далеко?

– Ты почти рядом. Это район Вонючих балявок. Тебе по этой клоаке еще шагов сто пройти и выдешь на улицу Гнилых ушей. Там увидишь стройку, от нее уже не далеко. Пойдешь по указателям и там сам поймешь.

– Спасибо, любезный.

– Да пошел ты! – скользнул обратно на стену и засох беспардонными зелеными казюльками.

Морщась и плюясь, то и дело стряхивая с ног налипшие экскрименты, небожитель шел по указанному пути, проклиная все на свете: и свое задание, и тех, кто здесь нагадил.

Запахло гнилью. Ангел понял, что пришел. Через минуту увидел краны, бетономесители, множество голых грязных людей таскали кирпичи, блоки на спинах. Совсем чуток рогатых охранников лениво постегивали кнутиком, полулежа.

свастику.

– Что строим? – Джейнс деловито нахохлился, изображая

ухмылку.

Один из рогатых зевнул, не глядя, и тоскующим голосом протянул:

– Да эти себя боготворили, культ личности себе стряпали, вот теперь Князю монумент делают. Да такой, чтоб без изъяна. А то уже какой раз не удовлетворяют. Одна чешуйка не так – весь монумент в пыль.

Перевернулся бесстыдно на пузо, раскрыв волосатый обосранный зад, вытащил из глиняного черепка белый глаз и как виноградинку проглотил с наслаждением.

Гонгу стало интересно, кто же тут вкалывает. Стал внимательно вглядываться. С трудом различил на грязной худенькой ободранной спине

«Кого же он мне напоминает? Где я его мог видеть? А-а, блин! Это ж Адольф! Я тогда помогал Цукерману из Берлина бежать. Без смешных усиков его и не узнать.»

– Хай Гитля! – пошутил ангел.

Спина вздрогнула и затряслась. Из худых рук вывалились кирпичи. Человечек расправил грудь и повернулся на оклик. Он самодовольно выставил как в жизни вперед руку. Вместе с ней поднялся и его маленький Адольфик.

Рогатый очнулся и со всей мощью стеганул бывшему тирану по самому достоинству.

Человечек взвизгнул и упал, скрючившись.

– Я тебе воспряну! Чего развалился? Чего подставил мне? Удовольствия не будет! – черт подцепил грешника на рога

и кинул в бетономеситель.

Перед Гонгом уже не был злодей-мучитель, из-за которого попадали в топку и газовую камеру. Это было забитое и замученное существо, которому вряд ли отсюда когда-то выбраться, потому что ангел знал, что в аду мучаются до тех пор, пока среди живых не забудут, или не простят те, кому они причинили боль. Этот был безнадежен. Гонгу стало не по себе, так как он спровоцировал очередное насилие. С ужасом потянулся к верхней губе: показалось, будто там выросли знаменитые усики – не уподобился ли он ему.

Вспомнил, что еле удержался час назад от убийства, пусть адского существа, но ведь все же живого, не самого худшего – угощал по-дружески. Одно дело уничтожить действительно врага, который приносит непоправимый вред, другое – как раздавить гусеницу, сидящую не на капусте, а случайно оказавшуюся беспомощной в трамвае. Да, место изменяет индивида.

Ангел пошел мимо стройки с опущенной головой, лишь изредка поглядывая на горбатившихся Сталина, Нерона и других, перед которыми когда-то все дрожали и пугали ими детей.

– Ну все, хватит самоуничижением заниматься, осознал вину и хватит! – решил ангел.

Тут заметил широкий проспект, а вместо фонарных столбов и дорожных указателей красовались эректированные фаллосы из бетона, мрамора, нержавеющейки.

– Это и есть указатели? – удивился он. – Странные у них

символы. Определенно у них что-то болит. Фрейд бы все объяснил. Интересно, где он сейчас?

Джейнс глянул: в перспективе показалось, что пешим ходом долго будет. Расправил крылья и полетел. Заодно и покажет местным свою удаль. Ведь если вести себя уверенно, скоро и станешь таковым взаправду.

Проспект шел в гору и венчался огромным особняком с балконами и балюстрадами, лестницами и широкими окнами, как в Версале. Все стены украшены были резной лепниной, изображавшей картины из Камасутры. А разнообразные скульптуры драконов быи в таком изобилии, словно их как из мешка высыпали: что как раз указывало на хозяина и на его паспортные данные. В общем, жилище Князя Тьмы ничем не отличалось от жилища олигархов и не служило оружием для устрашения.

Гонг, подлетая к резным воротам, перешел на шаг. Не успел он прокричать о своем приходе, ворота открылись. Вышли несколько громил о трех головах и по четыре руки у каждого. А ростом – Гонг казался себе младенцем.

– Слушаем внимательно! – грозно грянул гул голосов. –
Чего тебе?

– Начальство у себя? – ангел нахально выставил ногу вперед, выпятил грудь, а руки сунул в карманы.

– Оно всегда у себя. Ему наружу не велено выходить никогда, – с трудом двигали челюстями вышибалы.

– Тогда мне к нему.

Назначено, – и направился на них.

– Фамилия? – главный достал амбарную книгу посетителей.

– Джейнс Гонг. Ангел.

Тот полистал. Затем сходил в будку и позвонил по телефону.

«У них еще этим пользуются?!» – усмехнулся посетитель.

– Борзый, Балда, проводите пернатого! – распорядился начальник.

Гонга с двух сторон обступили великаны и конвоем повели в приемную. Поднялись по лестнице, зашли в здание. В огромном пустом зале стоял посередине стол с компьютером, из-за которого навстречу встала роскошная брюнетка в мини с горящими глазами, с

точеными, ювелирной работы, ногами, красивым бюстом. В ушах у нее извивались изумрудные змеи-серьги. Казалось, у нее вот-вот изо рта вылезет двойной язык. Но она раскрыла этот рот, а оттуда вылетел приятный эротический голосок,

как из службы секс по-телефону:

– Зло вам на голову в большом изобилии! – и улыбнулась.

Гонг лицемерно, тоже в ответ, состряпал улыбку и заметил на груди девушки табличку с именем:

– Покаяться вам, милейшая Лилит!

Некоторое время они испытывали друг друга взглядами.

На ее лице было написано:

«Совращу, щеночек!», на его: «Выстою» – «Сломаешься!» – «Я гибкий».

– Вы бы присели, юноша, – Лилит показала на низенькие деревянные стульчики, на которые, сядь он, был бы ей по колено. Ох и виды открывались оттуда... Он даже забыл о бюрократическом унижении.

– Спасибо, присяду, хоть и не устал. Я вижу никого нет, так что меня можно бы и сию минуту принять.

– Минуточку, – адская секретарша села и нажала на кнопку: – Сати, к тебе пришли. Примешь? – «Пусть посидит,» – она самодовольно посмотрела на ангела: – Вот видите, придется обождать, юноша. Он занят, – и погрузилась в экран компьютера.

Джейнс заерзгал на стульчике, не в силах оторвать взгляда от ее ажурных трусиков цвета хаки. Усмехнулся, чтобы как-то разговорить красотку:

– Как в яслях. А хозяин ваш – главный пискун?

Лилит сверкнула глазами многозначительно.

– Сидите молча, ждите своего звонка, птичка святая! – гаркнула очаровашка.

Перья у Гонга встали дыбом. Он ей видно не по вкусу пришелся. Обидно. На такой бы кобылке, да семь верст, не меняя седла...

– У вас обслуживание совковое, – чирикнул парень вполголоса, – не следите за цивилизацией?

Лилит нервно нажала на кнопку:

– Сати, он меня достал, что с ним делать?

«Ладно, пусть войдет,» – Слышал, посланец? Вали! – секретарша поднялась и пиннула внезапно появившуюся дверцу как в шкаф.

Джейнс повиновался и протиснулся в эту створку. Тут же

дверь за ним исчезла и он оказался в другом пространстве. Огляделся: это была просторная комната в розовых обоях в цветочек, застланная голубоватым ковролином, на котором валялись разбросанные машинки, пазлы, пупсики с оторванными ножками, фламастеры без колпачков, листы бумаги в каракулях, смятый в кучу разноцветный пластелин, кубики, мячики; к потолку подвешена на канатах смятая кровать-качели.

– Куда это я попал? – растерялся ангел. – Ау! Детишки!

Тут зашевелилась куча подушек, послышался зев и из-под одеяла появилась лысая, взъерошенная по бокам, деформированная голова. Лицо было заспанным, отекившим, непонятного возраста. Мутные, в сухариках, глаза тупо таращились на визитера. Этот

«ребенок» сдернул одеяло, выказав рахитный животик, свесил ножки-колесики с кровати и спрыгнул вниз, поправляя выцветшие, в характерных пятнах кольсоны с отвисшими коленками. Пукнул. Деловито сел на горшочек и, безразлично к гостю, справил нужду.

Ангел тактично отвернулся. Подождал. Поморщился.

– Карапуз, куда это я попал? Помогите дяденьке.

Рахитик встал, молча подкатил к столику и плюхнулся на стульчик. Неизвестно откуда достал раскладушку с фотоаппаратом, щелкнул посетителя.

– Для начала здороваться надо, невежа, – зашамкал ребенок.

– Ну извини, вылетело из гоовы. Ну так поможешь дяденьке?

– И чего тебе надо?

– Да мне бы к шефу вашему, а секретарша сюда меня сунула. Ты, видать, его сынок?

– Ну считай, что по адресу пришел, святоша.

– А он что, уже детей эксплуатирует? Как же ты тут

один со всем справляешься, бедненький! Уси-пуси, конфетку хошь?

– С чем?

– Мармелад в шоколаде. Внутри жувачка. Укус-но!

– Кидай! – создание протянуло культияпки и ловко поймало. Раздалось чавкание. – А еще есть?

– Нет, малыш, в другой раз принесу, – ангел присел перед ним на корточки и погладил по голове, замечая на ощупь каждый бугор. – Ты чей такой будешь?

– Свой.

– А откуда взялся такой свой?

– От сотворения.

– Какой ты милый шутник. А как тебя зовут?

– Тебе весь список перечислить? У меня времени нет – вон на табло читай.

Джейнс обернулся. На стене огненными буквами бегущей строкой показались письмена: «Сатана, дьявол, искуситель, Князь Тьмы, Сати, Антихрист, Локки, Аид...»

– Фу ты... шутишь, – плюхнулся на пол. – Ты же другим должен быть... во всех учебниках твое описание есть: там ты...

– Большой, рычащий, в чешуе, с крыльями, рогами, много голов... или носатый красномордый, с острыми ушами чувак с ужимками голубого. Ан нет. Вишь, как имеджмейкеры постарались! Да и противоборство интереснее с чудищем. Секешь?

– Чего уж там... – открыл изумленно рот парламентар.

– Ты бы пошел голосовать за карлика? Я – нет, они бы тоже нет, – указал в сторону улицы.

– А так все меня боятся и уважают.

– А если как лидера попросят перед публикой выйти? Тогда как?

– А спецэффекты на что? А подставные? Неужель на съемках не был? К тому же у меня и гардиробчик стоящий, от Версаче.

– А что, он у вас тут, что ли?

– Ну не пропадать же таланту. Таланты везде нужны. Он мне шкур нашил зверищ разных ужасных. Раньше другие были. Надоедали. Моды не знали. А этот толковый. Уважаю. Хоть и педик, упаси господи.

– А не боишься, что я всем расскажу, каков ты на самом деле?

– Кто ж тебе поверит?

Пришлось признать правоту. И Князёк Тьмы показал Гонгу все свои костюмчики и модные аксессуары. В этом занятии вдруг древнее создание резко обернулось.

– Слушай, Гонг, да? Ты ведь сюда не туалеты мои смотреть пришел. Не убийца наемный, сил все равно не хватит. Да и ангелок – вам доброта только к лицу. Выкладывай, чего послали-то? – дьявол шмыгнул звучно и снизу вверх уставился на Джейнса.

– Так сразу и сказать?

– Да, а что сиськи мять веки вечные?

– Ты лучше для начала скажи, правду ли про тебя в учебниках пишут?

– Что я тварь поганая? Хе. По заказу книжечки ваши печатаются, распространяются огромными тиражами, дабы очернить меня. А я тебе вот что скажу. Как есть Бог, так есть и я. Если есть свет и тьма, белое и черное, доброе – злое, хорошее – плохое, значит есть сила, которая противостоит Богу. Я сотворен Богом – значит светоносный. От того и кликуха моя Люцифер. От латинского – свет. Я был красавец, ат-

лет, ужасно во всем талантлив. Но Бог своим могуществом не давал мне развиваться до его уровня и выше. Зависть, что ты хочешь. Все считают, что я возгордился, но я просто хотел свободы. Я поднял восстание против Него, увлек за собой часть ангелов. Я не сместить его хотел, а быть равным. Он этого не понял и изгнал меня во внешнюю тьму. Так я стал Сатаной, то есть противником. Меня

лишили всех прав и привилегий. И к тому же сделали карликом, уродом. Я вынужден был продолжать свою революционную борьбу и месть.

Наконец я озлобился и ненавижу все доброе. А кто в этом

виноват? Он.

Ты заметил, что когда рождаются дети, их очень трудно научить добру, но зло они впитывают сразу. Когда они становятся взрослыми, в них зла больше. А миссия-то моя – чтоб адских существ на земле наплодить.

Единственное, в чем я сплеховал и не знаю что делать, это его призыв не убий! Я сказал: убей! И бабам это понравилось. Начались аборты. И убивают моих монстров. Видят уроды и давай на куски резать. Да еще Этот, сверху, – спасатель человечества, уродил Христа. С этих пор на земле появились Его спецслужбы повитух и наблюдателей. Даже во времена средневековья при отсутствии мед оборудования они давали травы и настои для выкидышей. Почему я,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.